

Нет, это совсем не ревность

Алахчит Алтан Борджигин

Весь день Алахчит разбиралась со случившимся. Она снова собрала всех ханов, запретила покидать стоянку в одиночку, удвоила охрану и велела выходить с табунами в удвоенном составе, чтобы обезопасить всех лис. С нападавшим ничего не было ясно - никаких опознавательных знаков, ни записки, ни денег, ничего, только лук, колчан и кинжал. Голова Алахчит пухла от сомнений, особенно когда она возвращалась мысленно вовсе не к случившемуся в степи, а в гэр хана Хонгиратов, где приходил в себя и отдыхал Санджар.

Если бы было что-то серьезное, и пришлось бы вызвать знахарку, то Алахчит бы уже об этом узнала. Она пошла на хитрость и велела одному из мальчиков помладше весь день крутиться возле его гэра, чтобы узнать новости одной из первых. Но все было спокойно. Все, кроме самой Алахчит и ее сердца. И к вечера она решила снова навестить Санджара и его матушку, чтобы лично убедиться, что Санджар идет на поправку, а его мать ни в чем не нуждается сейчас.

Когда она пришла, Санджар все еще спал, но с его лица немного пропала болезненная бледность. Алахчит убеждала себя, что она пришла как Великий Хан к своему раненому нойону, как друг к хорошему другу, и запрещала даже мысленно приближаться к идее, что совсем не как друг, далеко не так. Сейчас не время. В степи опасно, ей нужна холодная и трезвая голова.

Ветер Перемен

Заира вежливо поздоровалась с Великим Ханом, когда та пришла в гэр к Санджар-гуаю. Сама она подкинула дрова в очаг, затем принесла миску с водой, влажное полотенце и чистые бинты. На тех, что сейчас закрывали рану, проступили пятна крови, и ей было велено закрывать их новой повязкой поверх старой, чтобы не тревожить заживающее плечо.

Девушка осторожно откинула одеяло, протерла полотенцем следы крови, где они еще оставались, и стала накладывать новую повязку. Санджар-гуай еще спал, и она надеялась, что его не разбудит. Заира подумала, что нужно было подождать, когда Алахчит-хаан уйдет, но она так волновалась, чтобы четко выполнять указания знахарки, что подумала об этом уже позже. Пока она накладывала новый слой бинтов, её рука дрогнула от волнения, задев рану, и Санджар-гуай дернулся и застонал во сне. Заира поспешила быстрее закончить свою работу. Она боялась разозлить Великого Хана своей недогадливостью.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит кивнула в знак приветствия молодой целительнице. Снова бросилась в глаза ее ладная фигура и длинные толстые косы, покоящиеся на высокой груди. Зайчихи были словно созданы для того, чтобы выходить замуж, рожать детей и ухаживать за ранеными. Неудивительно, что из них выходили такие хорошие целительницы. И жены.

Нужно было идти обратно. Она убедилась, что с Санджаром все в порядке, он под присмотром, ему не стало хуже, но Алахчит не могла себя заставить выйти. Ее одолевали приставучие и странные мысли - ей не нравилось, что Навчин-ханум оставила здесь эту молоденькую зайчиху. Если бы опытная знахарка сама ухаживала за Санджаром, ей было бы гораздо спокойнее.

Она уже сделала шаг назад, когда услышала мужской стон, и резко развернулась. Заира в этот момент накладывала поверх старого новый слой чистых бинтов. Алахчит успела даже обдумать эту ситуацию, как подошла ближе к знахарке и ее пациенту.

- Пойди, отдохни, - мягко, но твердо велела Алахчит, и тон ее подразумевал, что это распоряжение ей стоит выполнить незамедлительно. - Я сама посмотрю за Санджар-гуае. Если что-то потребуется - пошлю за Навчин-ханум. Вернешься через пару часов.

Ветер Перемен

Заира напугано взглянула на Алахчит-хаан, затем потупила взгляд. Она закрепила повязку и расправила одеяло. С указаниями Великого Хана не спорят.

- Хорошо, Алахчит-хаан, - ответила она. - Эрдэнэ-ханум тоже отошла.

Мать Санджар-гуая хотела зайти к Навчин-ханум, а потом вроде собиралась молиться. Сказала только, что отлучится на пару часов, и Заира считала, что об этом нужно сказать Алахчит-хаан. После этого она отнесла на сундук воду и оставшиеся бинты, попрощалась и выскользнула из гэра, чтобы не попадаться на глаза Великому хану.

Люди разное говорили. Что Санджар-гуай собой закрыл Алахчит-хаан от стрелы, что то ли он её любил, то ли она его. Потому что любили бы взаимно, уже были бы женаты. А кто ж о таких вещах наверняка знает, когда ни Великой Хан, ни её нойон никому о своих сердечных делах не рассказывали. Но Заира интуитивно, по-женски, чувствовала, что должна скрыться с глаз Алахчит-хаан и оставить их с Санджар-гуае наедине.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит одновременно испытала и удовлетворение оттого, что выпроводила зайчиху, и злость на саму себя, что поступает так необдуманно, импульсивно, даже как-то нечестно по отношению к Заире, ведь ничего дурного она не сделала. Теперь поползут слухи, что Великий Хан взъярилась на невинную девушку лишь за то, что та неловко задела рукой, а ведь с каждым может случиться, и она сама от этого не застрахована.

Она хотела быть сильной, спокойной, мудрой. Чтобы всегда и во всем поступать правильно, выходить с расправленными плечами и гордо поднятой головой. Чтобы в ней видели не слабую девочку, которая потакает своим эмоциям и своему страху, а уверенного правителя, которому можно доверить управление Ордой. А она знахарок выгоняет за какую-то мелочь. Хороша правитель.

- Сложно все это, братец, - тихо пожаловалась она спящему Санджару, поправив край одеяла, что свешивался с постели. - Никак не получается у меня быть взрослой и умной.

Она опустилась на высокую скамью, которую подвинули ближе сюда для удобства, и посмотрела на Санджар-гуая. Под глазами его залегли тени, но даже так он оставался весьма хорош собой.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар практически не приходил в себя с того момента, как потерял сознание в степи. В какой-то момент он понял, что его везут в телеге, потом ненадолго приходил в себя от боли, когда вытаскивали стрелу и обрабатывали рану. Сейчас сознание смутно возвращалось к нему, но Санджар не мог понять, сколько времени он не приходил в себя. Он слышал голоса, но поначалу никак не выдавал это. Просто было сложно собраться с силами, чтобы даже просто открыть глаза и тем более заговорить. Он слышал шаги, затем понял, что рядом оказалась Алахчит и заговорила с ним. Санджар пошевелился, затем поморщился от ноющей боли в плече и открыл глаза. Он понял, что был в своем гэре.

Было холодно, несмотря на теплое одеяло. Санджар медленно обернулся в ту сторону, где была Алахчит. Увидев её, он устало улыбнулся. Он был рад видеть её.

- Алахчит, - произнес Санджар, не став ничего говорить на её слова.

Он сейчас слишком плохо соображал, чтобы поддерживать сложный разговор. Только понял, что главная опасность позади, а теперь требовалось время, чтобы восстановить силы после раны.

Алахчит Алтан Борджигин

То ли ее разговор с зайчихой разбудил Санджара, то ли просто ему пришло время просыпаться, но он зашевелился, а потом открыл глаза, хотя поначалу выглядел так, словно не понимал, где находится и что случилось. Алахчит подалась чуть вперед, но молчала, не уверенная в том, что Санджар сейчас наберется достаточно сил, чтобы как-то двигаться и поддерживать разговор. Ему нужно было отдыхать как можно больше.

Но он все же повернулся и даже узнал ее, и Алахчит одарила его радостной улыбкой, услышав его голос. Усталый и тихий, но все с теми же знакомыми ей нотками.

- Здесь я, - подтвердила она. - Разбудили мы тебя своими разговорами? Прости. Зашла убедиться, что все в порядке.

Она поднялась с места и поискала взглядом еще одно одеяло, которое лежало неподалеку на сундуке рядом с мисками и бинтами. У нее был не такой большой опыт ухаживания за ранеными, но многие из них жаловались на озноб после сильной кровопотери, а Санджар потерял очень много крови. Пройдет еще время, прежде чем он восстановится полностью.

- Укрою тебя еще, - предупредила она прежде чем расправить шерстяное одеяло поверх первого.

Санджар Хонгират Борджигин

- Я рад, что все-таки проснулся, - ответил Санджар.

Он думал привстать, чтобы удобнее было говорить с Алахчит, но быстро понял, что почти от любого движения сильно кружилась голова, и стоило пока смириться с тем, что разговаривать придется лежа. И Санджар был рад, что Алахчит укрыла его вторым одеялом. Он не стал бы её об этом просить и заметил, что в гэре ярко горел растопленный очаг. Значит, тот холод, который сейчас чувствовался постоянно, был следствием раны.

- Спасибо, - сказал Санджар девушке. - Сколько времени я здесь?

Он не знал, тот же это день, когда его ранили или прошло уже несколько. Алахчит успела переодеться, на улице вроде был вечер. Но был слышен шум, значит, не поздно, и никто еще спать не укладывался. Были слышны разговоры людей и шум привычной возни, которая происходила изо дня в день.

Алахчит Алтан Борджигин

- Постой. Постой, - предупредила она Санджара, заметив, что он хотел приподняться, но был еще слишком слаб для этого, - я подложу еще подушку, чтобы было удобнее.

Алахчит осторожно помогла ему лечь получше и чуть повыше, чтобы стало комфортнее лежать и разговаривать, хотя Навчин-ханум и предупредила, что нужно больше отдыхать. Санджар-гуай и сам это понимает, не будет вредить себе еще сильнее, да и боль не даст ему двигаться слишком резво.

- Весь день, - ответила Алахчит. - Время к вечеру. Твоя матушка отошла ненадолго.

Алахчит села обратно на скамью неподалеку, сложила руки на коленях. Отослав Заиру, она в тот момент и не подумала, что тогда ей и правда нужно будет сидеть рядом какое-то время, но она была и не против этого. А слухи...ну, пусть.

- Если болеть сильно будет, я пошлю к лекарям за лекарствами, - добавила она. Врачеватели умели снимать боль, но этого хватало ненадолго, лишь на какое-то время, и боль обязательно возвращалась. А лекарства и отвары могли облегчить состояние и позволить спокойно отдохнуть, когда боль не дает уснуть.

Санджар Хонгират Борджигин

Пока Алахчит помогала ему с подушкой, Санджар все-таки постарался привстать на одном локте, чтобы ей было удобнее. Было неловко, что она оказалась так близко, когда он был без рубашки, но здравого смысла хватало Санджару, чтобы понять, что это было последним, о чем Алахчит могла подумать в тот момент.

- Спасибо, что ты пришла, - сказал Санджар.

Он должен был помнить, что в их отношениях ничего не изменилось. Он по-прежнему был нойоном, который обещал быть другом и не говорить первым на темы, которые для обоих сейчас были слишком сложными, чтобы принимать какие-то решения. Но он мог просто радоваться тому, что Алахчит к нему зашла. Он понимал, что ей не будет все равно. Он помнил, как она с ним говорила перед тем, как потерял сознание. Она испугалась за него. И он был уверен, что Алахчит пришла бы независимо от того, им ли было занято её сердце.

Санджар удобнее лег на подушках, но продолжал смотреть на Алахчит. Ему было сложно разговаривать, но он хотел, чтобы она задержалась подольше.

Алахчит Алтан Борджигин

Снова эта неловкость между ними, которой стоило появиться всякий раз, когда они оказывались наедине. Словно нерешенный их вопрос - ни "да" ни "нет" - висел в воздухе, постоянно напоминая о себе этой необходимостью ответить что-то конкретное. Алахчит уже говорила, что пока не готова выходить замуж. Сейчас она должна была посвятить все свое время Орде и кланам, а не мужу и семье, но ей всегда казалось, что, несмотря на то, что он обещал не поднимать эту тему между ними до тех пор, пока она сама не сочтет это возможным, Санджар-гуай все равно ждет, что она об этом заговорит. Она прокляла тот их разговор, когда чуть ли не сама вынудила признаться в своих чувствах - лучше бы было не знать вовсе.

- Конечно же я пришла, - Алахчит расправила складки на подоле дэгэла. - Ты собой меня от стрелы закрыл, как могла я иначе поступить? Я волновалась.

Во всяком случае, саму себя Алахчит пыталась убедить, пришла лишь потому, что считала себя обязанной, а не потому, что весь день не находила себе места, думая, как с ним здесь зайчиха наедине остается. Касается его плеча, стирая остатки засохшей крови, и убирает волосы с его лба.

- Но теперь отдыхай, Навчин-ханум сказала, все в порядке будет. Только пару дней полежать нужно будет.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар хотел спросить, только ли потому пришла Алахчит, что он её от стрелы закрыл, но промолчал, зная, что ей не захочется говорить на эту тему. Если ей было не до того утром, с чего бы вдруг у неё появилось желание думать о личной жизни вечером. Когда возник еще один вопрос: кто напал на Великого Хана во время охоты. Санджар прекрасно понимал, что целью была именно Алахчит.

- Что-то известно о нападении? - спросил Санджар.

В степи выследить маленький отряд не так сложно, но, если противник был серьезным, под ударом оказывалась вся орда. И на Алахчит могли попасть снова, тогда и пара дней, которые нужно отлежаться, были слишком долгим сроком. Ей мог защитить Оронар, но он тоже не всегда был рядом.

- Он целился в тебя. Я боюсь за твою безопасность, - сказал Санджар.

Он понимал, что сидеть на стоянке, не выбираясь в степь, бывало невыносимо. И утренняя охота была для Алахчит отдушиной, а получилось то, что получилось.

Алахчит Алтан Борджигин

То, что нападавший не ограничился одной стрелой, которая попала не в нее, лишь подтверждало то, что целью была именно она, а не Санджар. Не нужно было быть гением, чтобы об этом догадаться. Если бы не Тургэн, который был вместе с ними, то неизвестно, остались ли они оба живы.

- Ничего, - она покачала головой. - При нем ничего, кроме оружия, не было, и одежда не указывает ни на один из кланов.

В мирное время все носили одежду вразнобой, но военные дэгэлы у каждого клана были своего цвета. Лисы - темно-красные, бордовые. Шакалы - черные, с красной оторочкой. Сайгаки - зеленые, Медведи - коричневые. Но на нападавшем бэл обычный песочного цвета дэгэл из некрашеной шерсти. Такой можно купить в любом городе или такой может сшить любая монгольская женщина

- Сейчас я запретила всем покидать стоянку без оружия и в одиночку, даже табунщикам. А я буду оставаться в стоянке до тех пор, пока не вернутся разведчики и Орда не отправится на новое место. Рядом всегда будет кто-то из воинов или Оронар. Здесь я в безопасности, - продолжила Алахчит. Будет, конечно, тяжело безвылазно сидеть в гэре, но это не такая уж большая цена за безопасность.

Санджар Хонгират Борджигин

- Хорошо, - ответил Санджар.

Он прикрыл глаза и перевел дыхание. Усталость возникала из ничего, ему было сложно даже просто поддерживать разговор, и он терпел боль в плече, чтобы разговаривать с Алахчит дальше, и ей не пришлось посылать за знахарями. Он не знал, чего он ждал от этого разговора. Просто хотел её видеть рядом с собой.

- Мои люди тоже в курсе распоряжения? - спросил Санджар.

Обычно распоряжения Алахчит передавал им он, и никто другой из Хонгиратов не присутствовал на встречах Великого Хана с нойонами.

Если в степи было опасно, то и табунщикам стоило ходить с помощниками и с оружием. Вряд ли нападут на них, когда цель - Алахчит, но ни к чему сейчас было пренебрегать безопасностью. И сложно не иметь возможности руководить собственными людьми.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит видела, что Санджару тяжело поддерживать разговор и что-то еще пытаться обдумывать для того, чтобы обеспечить ее безопасность. Она снова задумалась о том, где заканчивается его преданность нойона и начинается его чувство, как Лиса к Лисице. Не о том она сейчас думала, совсем не о том, о чем

нужно. А нужно думать о том, как подготовить Орду к переходу, как дожить до зимы, сделав как можно больше запасов, и как обезопасить людей, чтобы подобные нападения больше не повторялись.

- Да, я сообщила всем, и твоим людям тоже. Твой двоюродный брат всё им передал, - Алахчит видела его не впервые, но не сказала бы, что между ним и Санджаром было сильно семейное сходство. Впрочем, это было и не сильно важно, если при том он был ответственным и исполнительным.

- Я вижу, что тебе сложно говорить, - заметила она. - Отдохни, Санджар-гуай, я побуду здесь, пока не вернется твоя мать или знахарка из зайчих.

Лучше, конечно, первая, чем вторая, не об этом стоило говорить вслух, тем более при мужчине.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар посмотрел в потолок гэра, затем прикрыл глаза. Алахчит была права, ему было сложно говорить. Но он боялся, что она тогда просто уйдёт, если он замолчит. Он был связан обещанием, он не мог говорить с ней не о делах. Боль в плече становилась сильнее: он проснулся, сбросив остатки сдерживавшего её оцепенения. Но Санджар терпел и не говорил об этом, просто старался дышать не так глубоко и медленнее.

- Спасибо, - тихо и с трудом сказал он. - Можешь дать воды?

Во рту пересохло, от этого говорить было ещё сложнее. Санджар был уверен, что где-то рядом с его постелью был кувшин с водой, потому что помнил ещё после схватки с шакалами, что всех, кто был ранен не в живот, но потерял много крови, поили водой, чтобы быстрее вернулись силы. А сейчас было чувство, что язык прилипает к небу, и от этого сложнее дышать. Санджару было неловко просить о помощи Алахчит, но никого другого рядом сейчас не было.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит кивнула и поискала глазами кувшин с водой, который наверняка предусмотрительно оставила его мать, и правда, нашла его на столе у очага вместе с глубокой плошкой. Она снова поднялась и сходила к столу, затем вернулась и посмотрела на Санджара, раздумывая, как ему лучше помочь, чтобы не пролить воду на постель.

- Вот, не торопись, - сказала она, поддерживая мужчину и помогая ему выпить воды. Она была уже намного спокойнее, чем утром. Видела, что ему тяжело и пока еще нехорошо, но она верила словам Навчин-ханум и своим глазам - все было в порядке, опасность миновала, и Санджар-гуай поправится, нужно только время. Сегодня ему нужно отдохнуть, за один день его клан не развалится, и не случится ничего, что не смогут решить другие нойоны и она сама.

Она отстранила плошку, когда та опустела - не стала наливать слишком много, чтобы не пришлось потом менять влажную постель, если вдруг вода перельется через край. Алахчит не придавала так уж много значения тому, что сейчас ей

выпало ухаживать за Санджаром и помогать ему, она не смущалась из-за этого. Но ей было приятно, что это делает она, а не кто-то из этих привлекательных зайчих, заботой от которых веяло чуть ли не за целый аркан*.

- Налить еще?

*Аркан - монгольская мера длины, 20-50 метров.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар не мог держаться сам - очень кружилась голова, стоило оторвать её от подушки - и ему оставалось только принять помощь от Алахчит, о которой он сам же просил. Девушка оказалась совсем близко, он чувствовал кожей шёлковую ткань её дэгэла. Санджар с жадностью выпил воду из плошки, чувствуя, как от этого он будто заново возвращался в собственное тело. Он отдышался и нахмурился, пытаясь унять головокружение. Затем кивнул.

- Да, спасибо, - ответил он.

Плечо заболело резче, но Санджар старался терпеть эту боль и не выдавать, что она доставляет ему неприятности, чтобы Алахчит не ушла за знахаркой. Он был готов ещё терпеть, зная, что станет легче, когда он снова перестанет шевелиться. Его раздражало, что рана сковывала, мешая двигаться так, как хотелось. Будто часть тела перестала принадлежать ему самому, и теперь он должен был отвоевать обратно собственное плечо. Санджар оперся о постель локтем и ладонью левой руки, чтобы Алахчит было удобнее его поить.

Алахчит Алтан Борджигин

Санджар был довольно тяжелым. Еще и от того, что тело плохо ему подчинялось, Алахчит пришлось принять на себя часть его веса, а ведь до этого момента она никогда не думала об этом. А еще от того, как он был близко, вдруг побежали мурашки по спине, и ей почему-то не хотелось отстраняться. Хоть она и чувствовала запах застарелой крови, каких-то трав и лекарств, сквозь них все равно пробивался тот самый запах, что она услышала в полнолуние. Совсем слабый, но - его.

И Алахчит была рада, что ей нужно было отстраниться и отодвинуться, чтобы налить в плошку еще воды, потому что она боялась, что еще секунда - и у нее просто не хватит на это решимости, отойти и вернуться обратно на скамью, где она планировала провести все время в ожидании матери Санджара или зайчихи. Все же это были странные ощущения. Она чувствовала себя неловко, но не хотела, чтобы это Заира вот так поддерживала Санджара и помогала ему выпить воды. Хотя, конечно, с этим придется смириться, ведь она не может бросить все свои дела и остаться здесь до тех пор, пока Санджар не поправится.

- Я велю кому-нибудь из мальчиков сходить за Навчин, - сказала она, снова придерживая Санджара, чтобы ему было удобнее. - Болит?

Санджар Хонгират Борджигин

- Не надо пока, - ответил Санджар. - Терпимо.

Он не хотел, чтобы она уходила, или чтобы сейчас пришел кто-то еще. Если дышать и думать не о боли, а о том, что Алахчит рядом, плечо уже не так резко напоминает о ране. Хотя было неловко, что ей приходилось его поддерживать, чтобы он просто мог попить воды.

- Спасибо, - снова сказал Санджар.

Капли воды блестели на его усах, но он не мог сейчас их вытереть, потому что правую руку не позволяла поднять рана, а левой он облокотился о кровать, чтобы не наваливаться на Алахчит всем весом. Неприятно быть беспомощным. Санджар знал, что с хорошими лекарями через пару дней он сможет как минимум стоять на ногах и выходить из гэра, а вскоре восстановится полностью. Первые пару дней самые сложные. И не такая высокая цена за то, что стрела не достигла той цели, куда была отправлена.

Алахчит Алтан Борджигин

- Это - не предложение, Санджар-гуай, - Алахчит не утерпела, задорно улыбнулась, - а воля Великого Хана, с которой не спорят. Но, если говоришь, что пока не нужно, послушаю тебя.

Она отстранилась, чтобы поставить опустевшую плошку на столик неподалеку, куда поближе поставила кувшин с водой. Эрдэнэ-ханум все еще не возвращалась. С одной стороны, Алахчит была этому рада, потому что не так часто выпадала возможность побыть с Санджаром наедине, даже если это ее и смущало, и именно поэтому ей хотелось, чтобы его мать поскорее вернулась - ведь так уже будет не столь неловко, как сейчас.

- Это тебе спасибо, Санджар-гуай. Ты закрыл меня собой от стрелы, тебе я жизнью обязана, - серьезно сказала Алахчит, которая все еще чувствовала себя виноватой за эту поездку. - Как чувствовала, не нужно было вообще в степь ехать.

Утром она разбила зеркало, когда собиралась и заплетала косы. Алахчит, как и многие монгольские кочевники, верила в большую часть народных примет, и разбитое зеркало трудно было отнести к благим знамениям.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар улыбнулся в ответ и улегся обратно на подушку. Теперь он мог вытереть усы и убрать с лица налипшие на лоб волосы. И он уже понял, что придется просить мать, чтобы помогла завтра их собрать. Не к Алахчит же обращаться с такой просьбой.

- Я рад, что успел, - сказал Санджар.

Его успела спасти знахарка, но он был намного крупнее Алахчит, и эта рана была для него менее опасна, чем была бы для неё. И то успел в степи с жизнью попрощаться до того, как подоспела помощь. Не хотелось думать, что могло быть иначе.

- Я не все слышал, что ты мне говорила, - признался он. - Но это ты удержала меня среди живых.

Она заставляла его не проваливаться в забытие и зажимала рану, чтобы не так текла кровь. Это все, что он сейчас мог вспомнить.

Алахчит Алтан Борджигин

Только сейчас, сидя в гэре возле постели раненого Санджар-гуая, а вовсе не тогда в степи, когда думать об этом было решительно некогда, Алахчит испытала прилив благодарности к своему нойону за то, что без раздумий бросился защищать ее ценой собственной жизни. И только сейчас задумалась о том, что было бы у нее на душе, если бы степь приняла эту цену и забрала жизнь взамен на жизнь, отчего на глазах у нее чуть не выступили слезы.

- Я говорила всякие глупости, - призналась Алахчит сквозь улыбку, что выдавила из себя чуть ли не насильно. - Ты был прав, Санджар-гуай, маки весь разум одурманили.

Ей было страшно признаться снова, что она боялась его потерять. Боялась узнать, что все старания целительниц оказались тщетными, что стала причиной смерти одного из доблестных нойонов и ханов. И потому болтала все, что вздумается, чтобы только Санджар не засыпал у нее на руках. Боялась, что не проснется. Потому что в той болтовне было больше правды, чем она хотела бы признавать сейчас.

Она старалась думать о том, что то же самое сделала бы и для другого ее нойона, раненого вместо нее, но в глубине души была вынуждена признать, что не все.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджару показалось, что с голосом Алахчит было что-то не то, и он посмотрел в её сторону, чуть повернувшись на подушке. Он даже не думал, в скольких движениях задействовано плечо, которое, будучи раненым, на все это реагирует.

- Но тот венок тебе очень шел, - сказал Санджар и улыбнулся в ответ.

Это он помнил на удивление ярко. Поле, залитое солнцем, в алых пятнах цветущих маков, венок из красных цветов на голове Алахчит и её растрепанные от ветра волосы. То, как осторожно она взяла из его руки цветы, боясь коснуться её пальцев.

Не маки дурманили, а сама степь. И чувство, что можешь почувствовать себя свободным, выбравшись со стоянки. И Санджар считал, что как только оправится, обязательно выяснит, кто лишил их этой возможности, потому что после утреннего нападения уже нельзя будет выехать на охоту без отряда охраны, а лучше было оставаться в пределах поселения, которое составляли гэры.

Алахчит Алтан Борджигин

Она не понимала, что с ней творится. Алахчит ловила взглядом каждую улыбку, каждый изгиб бровей, каждый вздох, словно стараясь увидеть во всем этом еще

одно подтверждение, что все в порядке, все хорошо. Это и так было ясно, что он оправится через пару дней, но ей все было мало этого понимания.

- Он остался в степи, - ответила Алахчит. Она ведь даже не заметила, когда он оказался на земле, да и не подумала о том, что ее головной убор, которым она покрывала голову от яркого солнца, остался там же, рядом с упавшим венком. Уже потом его подобрал Тургэн и привез ей, но в гэр Хонгирата Алахчит пришла с непокрытой головой. То ли то ли желала сравнить, чьи косы будут привлекательнее, то ли просто забыла, то ли интуитивно хотела подчеркнуть, что идет не как Хан.

Или все, что случилось в степи, остается в степи?

У нее сейчас не было никого ближе. Яшви-Удган вернулась в резиденцию Кобр, отец и брат были мертвы, как и мать, которая умерла, когда Алахчит была совсем еще ребенком, а к дядьке Оронару с откровениями не пойдешь, хмыкнет в вислые усы, да назовет пигалицей. Санджар-гуаю она могла сказать многое. Многое, да не все.

- Мне кажется, я теперь разлюблю маки, - добавила она.

Санджар Хонгират Борджигин

Было бы странно, если бы при всем, что случилось, Алахчит вспомнила про венок, а еще и прихватила его с собой. Санджара ничуть не удивили её слова. Но она и без алого венка была красива, и это он замечал даже сейчас, когда с трудом соображал и толком не шевелился.

Он знал, что некоторые темы поднимать не стоило. И не хотел злить Алахчит, нарушив свое обещание. Но одну фразу все же произнес до того, как успел подумать о том, насколько она была неуместной в этот момент.

- Надеюсь, что только маки, - сказал он, глядя на девушку.

Он был магом воздуха. Ему было сложно надеяться и долго ждать, что надежды воплотятся, хотя он понимал, что если ему нужна была именно Алахчит, нужно было ждать. И не торопить события, потому что ей было не до того. В Орде было много женщин, с кем было бы проще, только они ему не были интересны.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит не ожидала, что разговор снова так развернется. И снова каждый их разговор сводился к теме замужества и их чувств, хотя Алахчит не считала необходимым сейчас об этом говорить и не чувствовала себя к этому готовой. А она не любила понимать, что оказалась к чему-то не готова, что случилось в последнее время все чаще и чаще, в чем была только ее вина, и ничья больше. Хотя нет, сейчас ей хотелось обвинить во всем одного из Хонгиратов - никто не заставлял его это говорить.

Она поняла, что он имел в виду. Поняла и не хотела идти у него на поводу - ответить "да" значило только подтвердить еще раз, что ее сердце снова не находит себе покоя, потому что его близость ее волнует. А сказать "нет" значит соврать и нарушить данное ему слово сообщить честно, что больше не думает о нем. Алахчит

не хотела идти поперек своего слова, иначе какая ей будет тогда вера? И она злилась на Санджара что поставил ее в такое глупое положение, когда она не может сказать ни "нет" и не "да".

- Степь я по-прежнему люблю, - гневно сверкнув глазами, ответила она, отстраняясь и поднимаясь со своего места. - Я все же позову Навчин-ханум, пусть осмотрит твое плечо и снимет боль, чтобы ты мог спокойно заснуть. Уже поздно, и мне нужно идти.

Санджар Хонгират Борджигин

Санджар понял, что зря это сказал. Алахчит разозлилась, и дала понять, что на этом их разговор был закончен. Он понимал, что стоило извиниться, но не стал этого делать. Потому что бесила боль, которую он старался терпеть, чтобы дольше говорить с Алахчит. Бесило, что сейчас по-прежнему сохранялась дистанция, что была между ними. Бесило то, что он сам был слишком наивным, что рассчитывал, что сейчас ему позволено чуть больше, чем обычно.

- Как скажешь, Алахчит-хаан, - ответил Санджар.

Он отвернулся и снова закрыл глаза. На что он надеялся? Он и сам сейчас не мог бы сказать. Когда он закрыл собой Алахчит, он не думал о том, защищал ли он её как нойон Великого Хана, или как мужчина женщину, которую любил. Он просто знал, что у него не было другого выбора, и сейчас по-прежнему был в этом уверен. И понимал, что глупо и нечестно рассчитывать, что после этого Алахчит сократит дистанцию между ними.

- Спасибо, что зашла, - тише добавил Санджар.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит злилась. И потому ничего не сказала в ответ, только переставила кувшин с водой и плоску ближе к кровати нойона, со стороны его левой руки, чтобы ему было удобнее тянуться, если возникнет такая необходимость, да снова поправила одеяло, край которого сполз на пол. Она не ждала извинений, она не думала о них. Ей просто хотелось уйти поскорее, но при этом сохраняя хоть какое-то достоинство, чтобы это не было похоже на бегство. Она - Великий Хан. А не девчонка, которой она постоянно вспоминает, как быть, потому что так проще. И быть она должна быть Великим Ханом, и поступать как Хан.

- Отдыхай, - все же сказала она перед тем, как выйти из гэра, услышав последний слова Санджар-гуая. Она подозвала к себе одного из мальчиков рода Хонгиратов, который доделывали последние дела перед тем как отправиться спать, и попросила сбегать до лазарета зайчих и предупредить, чтобы кто-то из них принес Санджар-гуаю болеутоляющий отвар или что-то из лекарств, которые не так давно привезли из города, чтобы успокоить боль в его раненом плече. Как бы он ни храбрился, боль не так-то просто скрыть.

Она дождалась возвращения мальчишки вместе с Заирой, но, ничего не сказав целительнице, отправилась в свой гэр. Она все еще злилась, и даже прохладный вечерний воздух не остудил ее пыла.
